

за кредита на Руси, а лишь затем, чтобы перейти к единственно важной для него теме — межэтнических отношений.

Однако миф всё-таки основан не столько на вымышленных или искажённых фактах (этого может и вовсе не быть, а ложь бывает не только мифологической), сколько на *смыслах*, присваиваемых этим фактам.

IV.2. Редактирование смыслов

Напомним читателю, что миф отличается от рационального мышления именно тем, что анализирует не столько сами явления реальности, сколько смыслы этих явлений, их место в ценностной картине мира (см. подробнее: Мосионжник 2006: 266 и др.). Автор специально говорит не о «присвоении», а о *присваивании* смысла: этим термином в программировании обозначается придание конкретного значения математической переменной. Именно операции со смыслами событий позволяют авторам, по выражению А. И. Райкина, «шёпот возвести до грома небесного, а гром небесный — до шёпота».

Конечно, крайний случай «редактирования» и фактов, и смыслов — откровенная ложь. Вот совсем свежий случай. Буквально накануне выборов 2008 г. лидер Ку-клукс-клана Т. Роб пригрозил в случае победы Барака Обамы расовой войной, мотивировав это тем, что «афроамериканцы — иностранцы, которые вторглись в Соединённые Штаты, чтобы разрушить христианскую культуру» (Смирнов 2008). Между тем достаточно знать историю США хотя бы на школьном уровне, чтобы вспомнить: ни один африканец до XX века не явился в Америку по собственной воле, тем более с продуманной целью. Однако это — предельный вариант. Впереди у нас — не столь очевидные случаи.

Когда Розенберг разносит по разным «расовым душам» греческих богов (Rosenberg 1934: 36—37 и далее), когда он оценивает деятельность исторических лиц, «проявлением арийского духа» всегда оказывается проявление ценностей, заявленных автором изначально. Что именно их разделяли древние арийцы, лишь постулировано, но ни анализа, ни аргументов нет. Это не доказательство, а логический круг: «что это А, вытекает из того, что это А». Любой анализ любой обстановки у него сводится на расовое (=психологическое) объяснение. Примеры тому уже приводились, повторять их не стоит. Везде, где излагаются подлинные события — например, история вальденсов (Rosenberg 1934: 90 ff.), — за уши притягивается именно такое объяснение; где непроверяемые — тем более. Читатель должен не столько даже уяснить причины, вызвавшие те или иные факты, сколько усвоить, что любые причинные объяснения фактов следует искать *здесь*. Сами же факты прекрасно объясняются и без расистской теории.

И опять мы находим ту же черту у Гумилёва: «дорого заплатила фамилия Ли и весь Китай за жизнь старушки и оскорбление учёного» (Гумилёв 1960: 138), «умение танских монархов миловать побеждённых» (Гумилёв 1967: 177). Особенно характерен «поход благочестивого Песаха» (Гумилёв 1992: 129—133): событие, отложившееся лишь в «Кембриджском анониме» («источник сугубо недостоверный», составленный через 300—400 лет после описанных в нём событий — Лурье 1994: 173) и не замеченное другими хронистами того времени, в том числе и «Повестью

временных лет», подаётся как событие, на века предопределившее русско-еврейские отношения.

Возьмём анализ событий в Галльской империи при Тетрике (Гумилёв 1990: 212): багауды вроде как ни при чём, хотя в других местах автор их упоминает.

Возьмём объяснение, почему шотландцы во время Английской революции предали Карла I армии парламента: «... шотландцы очень скупой народ, любят деньги» (Гумилёв 1990: 152). Это, однако, — английский стереотип времён первых Стюартов. При Якове I приехавшие с ним шотландские вельможи захватили самые «тёплые» места при английском дворе, и англичане, отеснённые от доходов, объясняли это «этнической» чертой шотландцев — ненормальной их жадностью (как будто сами при Тюдорах вели себя иначе). А затем шотландцы нашли для себя удобным поддерживать эту байку: да, мы такие — с тем и возьмите! Что, если бы какой-нибудь историк начал судить и о русских по расхожим штампам и русским же анекдотам: мол, Николая II продали за бутылку?

Буддисты: то ли «энергичные» (Гумилёв 1990: 69), то ли «пассивные» (: 64). Или дело не в буддизме, а в пассионарной энергии?

В результате автор пытается объять в одной книге (или в одной серии книг) всю человеческую историю, точнее, *смысл* этой истории. Итогом становится картина, написанная «широкими мазками», — то есть поверхностный обобщённый взгляд со смазыванием деталей, как история майя и шумеров у А. Дж. Тойнби.

При этом история нередко превращается в анекдот. Вот, например, рассуждение о выступлении Лютера: «Если бы в наше время, в XX в., кто-нибудь прибил бы тезис к дверям где-нибудь в Лондоне: “Я не согласен с английской конституцией и постановлением парламента”, ему сказали бы: “Ну ладно, иди домой”. И этим всё кончилось бы. Но это было Средневековье — “страшная” эпоха. Все заинтересовались...» (Гумилёв 1990: 147). Но ведь хорошо известно, почему выступление Лютера именно в Германии и именно в начале XVI века (который некоторые историки даже не относят к средневековью) приобрело такой резонанс. Для этого нет необходимости ещё раз излагать здесь вузовский учебник по истории средних веков.

Эпизод из истории Ирана, которую Л. Н. Гумилёв знал хорошо: «Маздакиты, взяв власть в свои руки, развернули массовый террор, а шах стал в их руках марионеткой. В 496 г. Кавад бежал от своих министров к эфталитам, вернулся с войском и занял престол, но маздакиты продолжали занимать должности вокруг престола и расправляться с неугодными людьми, как с чужими, так и друг с другом» (Гумилёв 1992: 76). На самом деле шах в 496 г. был свергнут царским советом (старой знатью), бежал из замка Забвения к эфталитам, и лишь после его возвращения (499 г.) маздакиты одержали полную (хотя и недолговечную) победу (История Ирана 1958: 58—59; История древнего мира 1983: III, 194). Здесь же выходит, что Кавад бежал от самих маздакитов, а вернувшись, несколько ограничил их влияние.

Спасение Турции от империалистического раздела при Кемаль-паше Ататюрке рассматривается Л. Н. Гумилёвым как этническая регенерация (1990: 228). Между тем сами турки не уверены, что это было именно возрождение многонациональной Османской империи. Достаточно напомнить разрыв Ататюрка с прошлым, куда более размашистый, чем у Петра I, включая даже реформу языка (до революции он на 90 % состоял из арабских и персидских заимствований, так что простые турки не понимали речь своей правящей и культурной элиты), и переход от исламско-

го мессианизма к национализму. Если уж главный этнический индикатор — идеология (для средних веков — «исповедание»), то республика Атагюрка — такое же подчёркнуто светское государство, как Османская империя — подчёркнуто мусульманское.

Этот список можно было бы продолжать.

Отметим напоследок одну важную черту. Один из главных признаков антинауки — претензия на новое видение старых фактов без собственного исследовательского опыта. В этом случае всё сводится как раз к тому, что мы назвали «редактированием смысла». Нет ничего легче, чем упрекать исследователей, как герой маршаковской сказки о дураке: «И не так мосты мостят, и не так детей растят». Но учёный, добывший собственными руками хоть малый факт, тем самым уже понимает, чем отличается научный процесс от глобальных построений, кажущихся такими лёгкими. Лишь с этого момента он получает право на обобщения. Нет ничего легче, чем строить миры: с этих высот «птичьего полёта» (одна из четырёх «исторических перспектив» Л. Н. Гумилёва) реальные факты кажутся досадными мелочами. Но именно поэтому такое занятие доступно даже дилетанту, философу из-за печки, поэтому и цена ему — медный грош. Поэтому, если мы сомневаемся в достоинстве какого-нибудь очередного реформатора истории, первым делом стоит спросить: а добыл ли он сам хоть один научный факт? Помыл ли своими руками хоть один черепок? Порылся ли хоть в одном архиве, где информация не подана на блюдечке? Составил ли хоть одну статистическую сводку? Или он опирается лишь на чужие выводы, понятия не имея, как именно они получены? А если понимает сам — то почему лишает такой возможности своих читателей (Гумилёв 1990: 7)?

Свой метод сам В. Н. Дёмин постоянно обозначает так: «археология языка и реконструкция смысла» (Дёмин 1997: 29). Однако археология — это строгая наука, давно уже накопившая свой арсенал методов интерпретации вместе с чётким осознанием их допустимых пределов. Здесь же «археология» понимается лишь в смысле М. Фуко, разрушительном для всякого познания: все известные факты считаются необъяснёнными, все имеющиеся объяснения — предвзятыми, и автор сам укладывает их в картину, исходя из собственного понимания смысла — который в таких условиях тоже может быть только априорным и предвзятым. Право на такую произвольную реконструкцию он черпает из относительности всех прежних реконструкций. Но такое широкое обобщение недопустимо: всё относительно — ещё не значит, что всё *одинаково* далеко от истины.

Вот лишь один яркий случай:

«В Книге Исаии говорится об обители (сонме) Богов на краю Севера, куда стремился один из возгордившихся и наказанных за это сынов человеческих — Денница, сын Зари (Ис. 14, 13). Северные те Боги, по Библии, обитают на священной горе, хорошо известной в индоиранской традиции под названием Меру» (Дёмин 1997: 59).

Место это хорошо известно — это победная песнь на ожидаемое падение Вавилона:

«И будет в тот день: когда Господь устроит тебя от скорби твоей и от тяжкого рабства, которому ты порабощён был, ты произнесёшь победную песнь на царя Вавилонского и скажешь: как не стало мучителя, пресекалось грабительство! <... >

Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своём: “взойду на небо, выше звёзд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему”. Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней. Видящие тебя всматриваются в тебя, размышляют о тебе: “тот ли это человек, который колебал землю, потрясал царства, вселенную сделал пустынею и разрушал города её, пленников своих не отпускал домой?”...» (Исаия 14:3—4, 12—17).

Здесь есть указание на какую-то туманную мифологему, связанную с обителью богов на Севере. Однако гораздо больше мифов связано с Западом, но о них-то в книге В. Н. Дёмина не сказано ничего. К тому же номер стиха перепутан: 14:12, а не «14:13». Зато, длинно рассуждая о смысле «космического животворящего начала» — Денницы, автор вдруг сообщает:

«Вячеслав Иванов считал Денницу мифологическим существом мужского рода и отождествлял его с христианским и дохристианским Люцефером [так в тексте — Л. М.] — одной из ипостасей Дьявола, однако дословно означавшем “Носитель света” (его сотканную из противоречий суть искателя истины гениально раскрыл Байрон в мистерии “Каин”). По Вяч. Иванову, Денница — фосфорически светящийся дух — первомытежник, внушающий человеку гордую мечту богоравного бытия; это тот самый “печальный демон — дух изгнания”, который “сиял” Лермонтову “волшебной-сладкой красотой» (:292—293).

К чему эта ссылка на Вяч. Иванова? В. Н. Дёмин, видимо, не знал, что мог бы вместо этого сослаться на весь католический и протестантский мир. Уже в «*Вульгате*» — латинской Библии св. Иеронима, основном тексте для рядовых католиков, — это место переведено: «*quomodo cecidisti de caelo lucifer qui mane oriebaris corruisti in terram qui vulnerabas gentes*» (Isaiah 14:12). Это же толкование сохранено и в англиканской официальной «*Библии короля Иакова*»: «*How art thou fallen from heaven, O Lucifer, son of the morning! how art thou cut down to the ground, which didst weaken the nations!*» (Isaiah 14:12): здесь «*Lucifer*» — уже явное имя собственное. Больше того, церковь настаивала на таком переводе, видя в нём единственное в Ветхом Завете упоминание о бунте Сатаны и его низвержении с неба. Это было принципиально для христианской догматики, поскольку в Торе — древнейшей части Ветхого Завета — сатана не встречается вовсе. Он упоминается лишь в довольно поздних книгах Паралипоменон (1 Пар.21:1), Иова (11 раз) и Захарии (3:1—2), плюс одно упоминание дьявола в Псалтири (108:6), а далее — только в Новом Завете. Без стиха Исаии в приведённой выше редакции всё предание о взбунтовавшемся и падшем ангеле превращалось в апокрифический миф. Вяч. Иванов лишь воспользовался авторитетной традицией — не он первый, не он последний.

Конечно, среди свидетельств полярной прародины почётное место занимает рассказ о чуде Иисуса Навина, «где описывается поведение Солнца в приполярных областях: “Стояло Солнце среди неба и не спешило к западу почти целый день” (Нав. 10, 13)» (Дёмин 1997: 59—60). Не будем уж напоминать, что в Библии у этого эпизода совсем другой смысл, к тому же это — именно чудо, то есть не повторяющееся явление. Но когда это Солнце у полюса стоит среди неба? Быть может, читатель помнит отрывок из «*Плутонии*» В. А. Обручева:

«— Если бы я был один, я бы больше не сомневался в том, что рехнулся окончательно. <...> Тучи или туман почти рассеялись, и солнце, понимаете ли вы, полярное солнце стоит в зените! — прокричал Боровой».

После этого незачем пространно рассказывать, как завитушки курчавых семитских волос на ассирийских статуях превращаются в символ спирали (Дёмин 1997: 184) или как в сказке о Курочке-Рябе обнаруживается «закодированная информация о борьбе Солнца с Мышью, в которой Аполлон первоначально терпит поражение, так как олицетворяемое им золотое яйцо оказалось разбитым», и даже «этносоциальный смысл борьбы Аполлона с Мышью», состоящий «в древнейшем противоборстве между двумя первичными родоплеменными общностями на стадии расщепления и обособления языков и культур» (: 364).

У Н. С. Трубецкого редактирование смыслов встречается реже, но всё же встречается. Приведём лишь один пример.

«Пётр Великий в начале своей деятельности хотел заимствовать у “немцев” лишь их военную и мореплавательную технику, но постепенно сам увлёкся процессом заимствования и перенял многое лишнее, не имеющее прямого отношения к основной цели. Всё же он не переставал сознавать, что рано или поздно Россия, взяв из Европы всё, что ей нужно, должна повернуться к Европе спиной и продолжать развивать свою культуру свободно, без постоянного “равнения на запад”. Но он умер, не подготовив себе достойных преемников» (Трубецкой 2007 {1920}: 144—145).

Дело не только в этом. Тем более что заимствование техники началось ещё до Петра: многое было сделано уже при Алексее Михайловиче и при царевне Софье, притом без петровских «указов, писанных кнутом» (Пушкин). Пётр стремился создать систему единоличной, всепроникающей власти — тоталитарной, по нынешнему определению. А любые национальные традиции дают личности нравственную опору для сопротивления такой власти. Отсюда и стремление Петра уничтожить национальные традиции (по крайней мере, в дворянской среде), заменив их чем угодно чуждым, незнакомым и потому управляемым. Такое положение делало царя не только единоличным политическим лидером, но и диктатором мод, и главным распорядителем на «ассамблеях», и (в качестве главы церкви) последним авторитетом в вопросах совести. Напомним, что, сколько бы Пётр ни вводил в стране немецкие и голландские порядки и костюмы, но в политике он никогда не жертвовал интересами России в угоду каким бы то ни было западным союзникам, как часто поступали его преемники.

Особый случай редактирования смыслов — смешение фактологических и ценностных суждений, простительное для публициста, но не для учёного. С самого начала «*Европы и человечества*» и далее на протяжении чуть не всех своих работ Н. С. Трубецкой указывает на коренной изъян «романо-германской» культуры — *эгоцентризм*. Именно он, по мысли князя, не только низводит «романо-германцев» с престола единственно цивилизованных людей, но и вообще выводит их за пределы семьи культурных народов. Именно этим обоснована у него единственно законная межнациональная война — между «Европой» и «Человечеством», то есть всем остальным миром. Хотя в других случаях «человечество» оказывается у него фикцией, отвлечённым понятием, вроде абстрактных идей у Дж. Беркли.

Однако верно ли, что эгоцентризм — свойство одних лишь европейцев? Практически все существовавшие до сих пор культуры знали чёткое различие между «нашими» и «не нашими»: эллинами и варварами, иудеями и гоями, мусульманами и кафирами. Во многих языках, от древнеегипетского до современного эскимосско-

го, самоназвание этноса и понятие «человек» совпадали. Этот национальный эгоцентризм встречается так часто, что Л. Гумплович (называя его, правда, этноцентризмом) даже возводил его в ранг всеобщего закона. Конечно, это преувеличение: далеко не всегда человек действует и мыслит этническими категориями. Но даже высшие религии долго признавали, что их глубоко разработанная этика действительна только среди единоверцев — а «басурманина и обмануть не грех». До сих пор можно услышать: «ты делаешь не по-русски» — в смысле «делаешь не по-человечески». Н. Я. Бичурин, переводя главы из *«Землеописания Китайской империи»*, с удивлением замечал: «Китайцы сколько рачительны ко всему до них относящемуся, столько же небрежны ко всему побочному. <...> китайцы столь же мало знают о состоянии Аньнани [Вьетнама — Л. М.], как и европейцы о внутренности Африки, с тем различием, что последние по невозможности местоположением представляемой, а первые — по пренебрежению ко всем народам, укоренённому в них религией и веками» (Бичурин 1960 {1814—1820}: 595).

Чем же так особенно виноваты именно европейцы? Они лишь разделяли общий предрассудок, притом казалось, что он подкреплён фактами — технологическим превосходством Европы в XIX в., включая превосходство военное (но не только), и более высоким уровнем жизни. Но разве не то же самое относится ко всем империям в любую эпоху и в любой части света?

Более того. Во все века и во всех культурах хватало пророков мира, братства между людьми и взаимного уважения. Но только европейская техника, создавшая атомное оружие (причём не в самой Европе, а в Америке и СССР), перевела вопрос из отвлечённо-моральной сферы в практическую: или человечество должно готовить себе братскую могилу — или признать, что время больших войн прошло, и навеки отказаться от такой формы ведения политики. Но это означает умение находить компромиссы. Или, по меньшей мере, если и бороться, то другими методами, основанными не на грубой силе, а на понимании психологии партнёра. Лишь теперь отказ от этноцентризма стал вопросом выживания планеты Земля. Исполнился план капитана Шотовера (*«Дом, где разбиваются сердца»* Бернарда Шоу): с войнами будет покончено, если дать всем державам такое оружие, чтобы его страшно было пустить в ход.

Примеры редактирования смыслов исторических событий у Г. Вирта лишь увеличили бы объём книги, не прибавив ничего нового. Этому посвящена вся подборка исторических фактов его главы 5 (Вирт 2007: 221—383, при 269 иллюстрациях).

Что же касается О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби, приписывание известным событиям совершенно иной, несвойственной им роли, вряд ли может быть поставлено им в вину. Разумеется, они оценивают исторические факты с точки зрения собственных концепций, но делают это обоснованно, а стало быть, остаются в рамках допустимого. Конечно, история майя, шумеров, даже Китая для Тойнби — достаточно тёмный лес, и ему явно не следовало затрагивать эти сферы, предоставив специалистам проверить, подходят ли эти части мировой истории под его схему. Однако в сфере античной и европейской истории он не выходит за пределы того, что делал любой автор связной исторической концепции.